персональные действия представителей «верха». Образ сокрушителя тайн всегда привлекателен для людей. Приятно также убедиться в том, о чем и сам давно догадывался: под занавесом секретности скрывается то, что никаким секретом не является. Он как бы избавил многих от обидного комплекса, навязанного традицией секретности: смысл действий «верха» недоступен рядовому человеку в обоих значениях слова «недоступный» — и не допустят, и не твоего ума дело. Ельцин допустил и показал: «наверху» те же люди. Они так же, как и все остальные, спорят, ошибаются, допускают опрометчивые шаги, нервничают и разъяряются, не соглашаются друг с другом в мелочах, а иногда и в крупном. Тем самым, как кажется людям, Ельцин низвел большую политику с олимпийских высот и положил ее к порогу дома рядового гражданина.

Больше того, Ельцин сам попытался спуститься с этих высот к своим рядовым согражданам, рискнул покинуть бюрократические рубежи: первым сел в вагон трамвая, отказался от пайков, записался в районную поликлинику. Иные говорили, что все это было сделано не без позерства. Но других руководителей его уровня, которые сделали бы подобное, сделали бы так или иначе, пока просто нет.

Он стал выступать в самых широких аудиториях не с речами, а с ответами на сотни вопросов, причем любых. Он стал давать интервью журналистам, делясь не только своими решениями, но и своими сомнениями, неудачами, угрозами в свой адрес. Можно, конечно, иронизировать по этому поводу. Можно утверждать, и справедливо, что, заглянув в подсобки продуктовых магазинов, заваленные товарами, и рассказав о том, что он увидел, Ельцин, не решив проблему дефицита, создал иллюзию того, что решание не за горами. Но стоит подумать: а не потому ли имя калифа Гарун-аль-Рашида и осталось в памяти человечества, что он без свиты и в простой одежде знакомился с реальной жизнью «рядовых багдадцев»?

В СВОИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ Ельцин призывает к решению не всех проблем, стоящих перед обществом, а именно тех, что впрямую касаются обыденной жизни простого человека: продовольственной, жилищной, социальной справедливости, преступности — особенно в торговле... Разумеется, при этом он может себе позволить не касаться стратегической колеи перестройки, по которой нужно протащить весь воз проблем, не завязнув в прошлом ни одной из них. Его сила — в точности попадания в самые болевые точки. Это и завораживает — все равно как доктор Касьян, работающий силой пальцев рук, притягивает тысячи больных, изверившихся в чудесах современной медицинской науки.

Кроме того, в своих многочисленных выступлениях — и особенно после ухода из высшего эшелона руководства — Ельцин как бы просит сограждан понять и поддержать его. Ощущение, которое остается у слушателей после таких выступлений, необычно и приятно: судьба Ельцина как бы непосредственно зависит от их воли.

ИТАК, ЕЛЬЦИН в глазах многих такой же, как они. Он жертва начальнической нелюбви — кто же из нас не оказывался в таком положении? И третируют его вроде бы за то, что этой любви он не ищет — кто не мечтал быть таким? А главное — он со всеми, и внизу, и наверху, говорит одинаково и на равных, руша иерархические барьеры, столь надоевшие особенно тем, кто внизу.

Полное впечатление, что он не борется за власть для себя: сам подает в отставку со своего поста в 1987 году, объявляет о готовности отказаться от министерской должности в случае избрания народным депутатом. О нем говорят как о человеке, амбиции которого распространяются как раз на достижение предельной власти, но все привыкли к тому, что самыми логичными в этом случае были бы не просьбы об отставке и не публичное выражение своего несогласия с коллегами наверху, а прямо противоположное. Правда, это логика здравого смысла. Тонкая же политическая стратегия может строиться на куда более сложных тектических действиях. Впрочем, это из сферы предположений, а реальность такова: мы истосковались по людям, ведущим себя так.

В самом ли деле или только кажется, что он не борется за власть для себя, но одно очевидно — Ельцин борется за себя, за свою честь: требует вопреки традиции политической реабилитации при жизни; не кается в своих грехах, а всюду отстаивает свою правоту. Может быть, и заблуждения, но свои, а не заемные. Его выводят из состава действующих политических лидеров, а он, не смиряясь, вновь и вновь встает на трибуну, подставляя себя критике. Гласность ему помощница, но ведь и он использует ее в полной мере, что не решаются делать многие другие.

Он чаще, чем это может показаться, оказывается прав. Вчера он один говорил о том, о чем сегодня рассуждают все. Когда, наконец, была опубликована стенограмма октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, стало ясно, что на этом собрании не говорилось того, что доносили до нас слухи, которые сразу же возникли (читатели даже задают вопрос: «А нет ли купюр в стенограмме?»).

Конечно, здесь, может быть, работает «эффект опоздания», к которому политические документы весьма чувствительны. В марте 1989 года мы прочитали то, что говорили в октябре 1987 года. XIX партконференция сместила ряд акцентов в деятельности ЦК КПСС, внесла изменения в работу секретариата, которую и критиковал Ельцин. Сентябрьский Пленум ЦК в 1988 году изменил состав Политбюро, о чем знаем мы сегодня, но что не могли предвидеть в 1987 году.

Но — о, удивление! даже те, кто критикует Ельцина, не устают повторять о его положительных чертах, деловых качествах, умении и желании работать. То, что ставится ему в вину и, наверное, виною является, можно отнести почти к каждому советскому начальнику — все, вплоть до тяжелого характера. Зато положительные качества—нешаблонны, выдают фигуру пусть и противоречивую, но по-человечески симпатичную даже в ошибках и заблуждениях.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С АППАРАТОМ — особая составляющая феномена Ельцина. Этот феномен мог родиться только в аппарате, потому что аппарат до сих пор есть реальная и стабильная часть власти — людям нужна стабильность. Но стабильность и сила чиновничества раздражают людей, ограничивают их свободу. Поэтому симпатии отдаются тому, кто этот аппарат сотрясает. Однако серьезное сотрясение аппарата пока реально лишь со стороны того, кто сам является его частью, а потому и реальной силой. Круг замыкается — феномен Ельцина движется в этом круге. Уверен, что баллотируйся Ельцин на должность директора какого-нибудь НИИ или завода, его успех нельзя было бы гарантировать. 26 марте 1989 года Ельцин прошел подавляющим большинством не как «начальник для народа», а как «начальник для начальников». Единодушие в голосовании за Ельцина — ответ народа аппарату за его надменное всевластие.

НЕУДАЧНИК И СЧАСТЛИВЧИК одновременно — он падает и вновь поднимается. В этом Ельцин — персонализированные гласность и перестройка с их успехами и неудачами. Люди давно хотели, чтобы появился такой руководитель. И он появился. Люди говорили: если такой появится — его снимут. И он не удержался.

Привычное крушение идеала. Оно не только пугает, но и заставляет подняться на защиту, поскольку вера в идеал все равно остается.

Конечно, элемент идеализации здесь налицо. Дополнительное доказательство этого — богатейший агитационный фольклор периода предвыборной борьбы, посвященный Ельцину. Главное же, что притягивает к нему симпатии людей, — это то, что он делает все, что позволяет делать перестройка и гласность, но на что не решаются десятки других наверху и миллионы других внизу. Он — продукт перестройки, а потому так популярен. Он всякий раз продолжает то, что начинает Михаил Горбачев. Продолжает, заостряя до предела и смело бросая на алтарь «народной любви» или в лицо тем, кто еще не был готов даже к деликатным формулировкам Генерального секретаря (или надеялся, что за словами не последует дел). Руководителю реальной политики трудно удержать симпатии всех, ибо реальная политика никогда не приносит золотые плоды сразу для всех. Конечно, у Ельцина выгодная позиция «теневого лидера», критика того, что реальной политикой делается плохо. Но ведь и большинство его почитателей занимаются такой же критикой, не имея, в отличие от Ельцина, лишь одного — возможности быть услышанным. И они поддерживают человека,

который поднимает их мысли до уровня, на котором принимаются решения.

Реальная ценность его как политика может проявиться только тогда, когда он получит настоящее политическое дело, а не отраслевой министерский портфель. Говорят, что оно у него было в период партийного руководства в Москве — он не справился. Может быть... Но другие должны еще доказать, что они справляются лучше, будучи менее открытыми людьми. Пока они этого не докажут, даже неудачи Ельцина будут ставиться в вину не ему, а административно-командной системе или кому-то из его критиков. Больше того, если дела у перестройки пойдут хуже, чем сейчас, популярность Ельцина будет возрастать. Если лучше, то уменьшаться, так как она будет распределяться и на других активных деятелей перестройки.

Судьба Ельцина, конечно, может и не быть в политической жизни. Но место феномена Бориса Ельцина до тех пор, пока жива перестройка, пустовать не будет. Нельзя выносить этот стул на галерку.

Политически этот феномен возник благодаря партии, но существует сегодня благодаря народу, и с этим нельзя не считаться. Поддерживая перестройку в целом и по отдельным ее направлениям, люди предельно критически относятся к ее медленным (или кажущимся медленными) темпам. В этом Ельцин «совпадает» с народом.

Виталий ТРЕТЬЯКОВ,
политический обозреватель газеты
«Московские новости».

«ЕЛЬЦИН предсказывает чистку ПОЛИТБЮРО»

РУКОВОДСТВО М. С. ГОРБАЧЕВА СТРАДАЕТ ОТ «НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ, НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ, ПОЛУМЕР И ВОСПРИИМЧИВОСТИ К ДАВЛЕНИЮ СО СТОРОНЫ ПРАВОГО КРЫЛА», СКАЗАЛ В ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ВАШИНГТОН ПОСТ» БЫВШИЙ ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО И НАРОДНИК ПО УБЕЖДЕНИЯМ Б. Н. ЕЛЬЦИН.

ЕЛЬЦИН ВЫСКАЗЫВАЛСЯ ЗА СМЕЩЕНИЕ с поста консервативного члена Политбюро Е. К. Лигачева, причем «как можно скорее», и предсказывал другую важную перестановку в рядах высшего руководства.

«Обновление Политбюро далеко не закончено, и я говорю не только о Лигачеве, — говорил Ельцин в двухчасовом интервью. — Я могу перечислить двух, трех, четырех, пять человек как минимум».

«Четыре года, а что сделано?» — спросил он, прежде всего имея в виду низкий уровень жизни советских людей.

Как номинальный лидер волны народного недовольства, Ельцин разработал свою роль — воинствующего, иногда демагогического голоса народа.

До его победы на выборах он временами казался вызывающей политическое любопытство фигурой, незаряженной пушкой. Но теперь он говорит с самосознанием человека, который завоевал на выборах больше голосов, чем «какой-либо другой политический деятель» за семь десятилетий большевистской истории.

Оценка Ельцина, когда-то одного из ближайших союзников Горбачева, тактики кремлевского лидера в разработке программы всесторонних радикальных политических перемен в Советском Союзе была характерно резкой.

«У меня на это свое мнение, и оно отличается от мнения товарища Горбачева, — сказал он. — Решающими будут дела. Сейчас разрыв между словами и делами достиг критической точки».

Ельцин подверг сомнению также решение Горбачева выдвинуть В. А. Медведева на должность шефа идеологии и перемещение А. Н. Яковлева, ближайшего идеологического друга Горбачева, с этого поста на роль главы международной политики.

Медведев значительно более консервативен и обладает меньшим творческим воображением, чем Яковлев, как показывают советские и западные аналитики.

Ельцин сказал: «Я не могу понять до конца эту рокировку».

ЕЛЬЦИН ВЫПАЛ ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ кругов в октябре 1987 года, когда он шокировал ЦК КПСС жалящей речью, которая нарушила неписаные правила политического этикета. Он сделал уничтожающие замечания в адрес Лигачева и сказал, что перемены слишком медленны. За эту речь Ельцин поплатился постом члена Политбюро и был публично подвергнут порицанию со стороны Горбачева и других лидеров.

Во время интервью в кабинете на ул. Пушкинской подвижное лицо Ельцина меняло выражение — от трагического до озадаченного и восхищенного — в течение буквально секунд.

Ельцин сказал, что уже в детстве он был «немного хулиганом». Когда ему было 11, во время второй мировой войны, он забрался с двумя друзьями на склад оружия и украл две ручные гранаты, признался он.

«Когда мы начали их разбирать, одна из гранат взорвалась», — сказал Ельцин, который потерял большой и указательный пальцы на левой руке в этом несчастном случае.

Позже, во время церемонии по поводу окончания восьмого класса, Ельцин захватил микрофон и объявил присутствовавшим учителям и родителям, что директор школы «грубо относится к детям и должен быть уволен».

После этого его выгнали из школы и не разрешили учиться дальше. «Но мне удалось восстановиться», — добавил он.

Сейчас в роли народника в центре так называемой второй русской революции Ельцин — смелый, дерзкий, такой, каким он был в своих рассказах о детстве.

В своих суждениях о Р. М. Горбачевой он повторил широко распространенное неудовольствие желанием советского лидера создать положение «первой леди».

Он сказал, что «не в традициях было, например, постоянно сопровождать своего мужа, особенно в поездках по стране». Он сказал, что понимает, когда «это было необходимо при визитах за границу, когда было положено по протоколу, и это делало присутствие госпожи Горбачевой уместным».

«Женщина с женщиной, — сказал он, упоминая визит в Англию и премьер-министра Маргарет Тэтчер. — Но что касается поездок по стране, посещение заводов, фабрик, колхозов — ну, это раздражает многих людей».

Он сказал, что на встречах с «тысячами и тысячами людей» редко, когда «они не спрашивали меня об этом».

Ельцин сказал, что он продолжает разговаривать лично и по телефону с Горбачевым, несмотря на их политический разрыв, «но менее часто», чем раньше. Он сказал, что также обсуждал с Горбачевым личность Лигачева, но только улыбнулся, когда его спросили о чувствах, которые советский руководитель питает к Лигачеву.

Он высказал предположение, что до некоторой степени у Горбачева была возможность использовать Лигачева, как своего рода политический контраст в случае необходимости и, что если бы не было Лигачева, Горбачеву нужно было бы его изобрести.

Однако наше пребывание в Америке омрачилось одной очень грубой провокацией. И как депутат, я хочу сделать заявление. Против Бориса Николаевича Ельцина была совершена грубейшая политическая провокация, цель которой — дискредитация одного из лидеров левой оппозиции. Она вызвала в стране серьезный политический кризис, который продолжается. И вопреки ожиданиям тех, кто организовал провокацию, она вернется к ним бумерангом, ударив по ним же самим.

Клевета продержалась не более нескольких дней.

Полагаю, что, вернувшись в СССР, мы сделаем ряд депутатских запросов о том, кто организовал эту акцию. Речь идет о своего рода «Уотергейте», точнее — «Ельцингейте» нашей политической жизни. И за этими действиями стоит не главный редактор газеты «Правда» Афанасьев, а более влиятельные силы. Необходимо выяснить — кто, чтобы происшедший инцидент был последним».

Павел ВОЩАНОВ, исполнительный директор Ассоциации парламентской демократии: «Я обращаюсь к вам, как журналист одной из самых крупных советских газет — «Комсомольской правды». В ходе этой поездки я выполнял обязанности пресс-секретаря Бориса Николаевича Ельцина. И первая публикация, которая будет мною написана в СССР, получит название «Как я истратил деньги Бориса Ельцина».

Богу было угодно распорядиться так, что все карманные деньги Борис Николаевич передал мне. А я их истратил на оснащение канцелярии Бориса Николаевича в Москве. Я — единственный журналист, который сопровождал Ельцина в Америке с первого и до последнего дня. Увидев, как [illegible] и как умер миф о Борисе Ельцине, я собираюсь [illegible]ся этим с нашими читателями. Тут есть над чем [illegible] и советской и западной прессе».

Геннадий АЛФ[illegible]НО, председатель фонда социальных изобретений С[illegible]Р: «Я родился и провел 38 лет в Сибири, но в Америке впервые в своей жизни я пережил очень много трагических и радостных моментов. Пожалуй, впервые в политической истории маленькая, подвижная делегация не получила ни одного доллара и рубля из государственного бюджета. Ведущие народные депутаты, независимые лидеры, приехали без рубля и доллара в кармане. И мы сами в Америке заработали деньги. Это замечательный хозрасчетный аспект нашей поездки.

Почему мы решили помочь Борису Ельцину оказаться в Америке? Сейчас в стране сложилась обстановка, при которой каждый должен сделать выбор. Спать нельзя. Каждый должен рискнуть и сказать себе: это последняя минута перед выбором, и я должен сказать что-то очень важное. Когда мы с Ярошенко обсуждали, возможна ли поездка Ельцина, я подумал: а почему он, как гражданин Страны Советов, не может оказаться в Америке. Обсуждая детали с Джексом Андерсеном и Ельциным, мы почувствовали, что поддержка в США будет колоссальной. Джим Гаррисон оказался первым американцем, взявшим на себя реальную ответственность. Для меня был удивителен факт, что многие американские организации испугались финансировать такую поездку и взять на себя персональную ответственность. Они боялись обидеть Михаила Сергеевича Горбачева. Джим взял ответственность, но Михаил Сергеевич Горбачев не обиделся. Все увидели, что Ельцин может критиковать и излагать свои взгляды в Америке. И это означает, что в СССР на глазах формируется демократия.

А когда он вернулся, все увидели, что это по-прежнему опасно. Люди более точно поняли, в каком состоянии находится развитие гражданского общества в СССР и что происходит с советской прессой. Я хочу спросить: где знаменитый советский журналистский корпус в Америке? Это — огромные валютные затраты Советского государства. Их трагическая молчаливость объясняется тем, что они должны [illegible] интенсивный курс лечения от страха. Конечно, лучшее место для них — это Сибирь. Они показали свою профессиональную некомпетентность. Это колоссальный урок для нашей прессы».

ВОПРОС: Корреспондент «Правды» заявил, что не присутствовал на недавней пресс-конференции, поскольку его не известили.

ОТВЕТ (Джим Гаррисон): По линии АП мы послали несколько сот приглашений. Все газеты о пресс-конференции знали, многие прислали корреспондентов. Трудно поверить, что ни один корреспондент «Правды» ничего об этом не знал.

«Позиция».

ВО ГЛАВЕ «ОППОЗИЦИОННОЙ» ПАРТИИ?

БОРИС ЕЛЬЦИН, ОБАЯТЕЛЬНЫЙ БЫВШИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, БЫЛ, КАК ИЗВЕСТНО, ВЫБРАН ЛИДЕРОМ ГРУППЫ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ СТАТЬ ПЕРВОЙ ОППОЗИЦИОННОЙ ПАРТИЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

ДЕПУТАТЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ СЕБЯ межрегиональной группой, выбрали пять сопредседателей, включая ныне покойного доктора Андрея Сахарова, физика и борца за права человека, но на первый год существования группы они назначили Ельцина первым председателем. Другими сопредседателями стали Юрий Афанасьев, историк, Гавриил Попов, экономист, и Виктор Пальм, эстонский академик.

По сообщениям ТАСС, группа рассматривается некоторыми специалистами, как появление советской оппозиции. Если это так и Коммунистическая партия позволит ей выжить, межрегиональная группа могла бы добиться гораздо больших перемен, нежели предложил президент Горбачев.

С Ельциным во главе группа представляет собой возможность для многих москвичей политически выражать недовольство тем, что перестройке не удалось отменить привилегии партийной верхушки или улучшить жизненные условия населения.

Президент Горбачев, главный автор перемен в Советском Союзе, до сих пор выступал против многопартийной демократии, но теперь, вероятно, ему придется решать эту проблему. Однако, если группа начнет вести себя как партия, это вызовет давление со стороны консерваторов в правящей партии с целью запрещения «межрегионалки» или исключения из КПСС ее членов.

Последняя альтернативная партия, партия левых эсеров, была уничтожена в 1922 году. Создание новой партии стало казаться более реальным в ходе выборов народных депутатов, когда ряд представителей высшей партийной администрации потерпели поражение при голосовании.

Первоочередной целью межрегиональной группы является усиление процесса преобразований. ТАСС сообщает, что некоторые законодатели «выражают опасение, что... эта леворадикальная группа может превратиться в своего рода оппозицию».

Новая газета «Народный депутат» заявила, что группа возникла в результате «отчаяния радикально настроенного меньшинства», когда они обнаружили, что предпринимаемые ими шаги блокируются на заседаниях Съезда народных депутатов теми, кого один депутат назвал «агрессивно послушным большинством».

Группа, во многом выражая позиции Ельцина, надеется объединить радикально настроенных интеллектуалов с недовольными рабочими в целях более быстрых перемен в экономике и социальной сфере.

«Таймс», Лондон.
(Пер. с англ. Т. Малаховой).

10 лет И ОСТАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Ответы на вопросы обозревателя журнала «Театральная жизнь» А. КАРАУЛОВА.

А. КАРАУЛОВ. На Западе пишут: «Поскольку сейчас никак не похоже на то, что Ельцин капитулирует, ему придется, может быть, вопреки собственным желаниям, создавать некую свою политическую организацию, в которую могут войти как разочарованные члены КПСС, так и наиболее политизированные представители всех прочих слоев населения». Что вы думаете по этому поводу?

Б. ЕЛЬЦИН. Я думаю, что некоторые слова надо повыбрасывать как негодные, вредные и не соответствующие моему взгляду на этот вопрос и моей терминологии. Но то, что люди, в том числе и депутаты, обращаются ко мне за поддержкой — я не отрицаю.

А. К. Вы читаете Ленина, Борис Николаевич?

Б. Е. Да.

А. К. Постоянно?

Б. Е. Не могу точно назвать, когда и в каком объеме, но порядок у меня такой. Вообще на чтение отведено время с 5 до 7 часов утра. Иногда полдня в воскресенье. Читаю публицистику, художественную литературу. Но с разбором, в основном то, что имеет какой-то общественный резонанс. Иногда, реже, специальную литературу, политическую. Отвечаю на письма, что-то пишу.

А. К. И это ваш обычный режим?

Б. Е. Давнишний. Здесь, в Москве, работая в горкоме, я вообще, как правило, раньше двенадцати не кончал.

А. К. Борис Николаевич, жесткий курс, который вы проводили в Москве, достаточно серьезно напугал какую-то часть интеллигенции. Но в Москве есть определенные круги, которые вас боятся. Боятся, что вы под горячую руку можете наказать и правых, и виноватых.

Б. Е. Что я человек требовательный — это так. Может быть, можно употребить слово жесткий, может быть. Но это в работе. А если в товарищеской обстановке, то я похож на человека, вообще-то говоря... Под горячую руку... Нет, это не так. Я вообще, скажем, не сторонник выговоров, это средство малоэффективное, лучше серьезно переговорить с человеком, показать, где у него сорняк, как глубоко он пророс. Сумеет он вырвать его из себя или нет? Сколько времени ему нужно, чтобы как-то справиться с этим? Способен ли он после этого решать вопросы перестройки у себя в коллективе, на заводе, в райкоме партии?

А. К. Я чувствую, что чисто по-человечески разговоры о вашей жестокости вас задевают.

Б. Е. Да. Не вы первый, кто задает мне такой вопрос. Но в Москве иначе было нельзя. Это очень сложный город, досталось тяжелое наследство. Учтите и вот что: все-таки все мы, я о тех, кому сегодня за 50, воспитаны эпохой административно-командных методов. От этого никуда не уйдешь. Мы пока других методов не имеем. Учимся, пытаемся что-то найти, но все-таки очень медленно. Когда я работал в горкоме, 90 процентов всех возникающих вопросов нужно было решать немедленно, твердо. Так требовала ситуация. Лишь бы только не обидеть человека, не оскорбить его...

А. К. Сейчас ваши официальные оппоненты смотрят на некоторые стороны вашей деятельности как на театральный замысел, отсюда все разговоры про трамвай, про...

Б. Е. Это называют «дешевым авторитетом». Честно скажу, мне на эту тему говорить уже не хочется. Ну сколько можно? Если я еду на завод, то я, как правило, перед этим изучаю, как едут на завод сами рабочие, откуда идет основной поток. Со Строгино? Да. Рабочий день на заводе Хруничева начинается в 7 часов 15 минут. Для этого со Строгино нужно выехать без десяти шесть. Но мне-то важно понять не то, как рабочий человек добирается в Строгино от Спасской башни Кремля, мне нужно знать тот путь, который он проделывает дважды в день, когда идет на работу и когда возвращается обратно домой. Поэтому я доезжаю до Строгино на машине, потом иду на автобусную остановку, где уже стоит толпа народа, сажусь в автобус, потом метро, потом снова автобус и уже до проходной завода. И в 7.15 я там, по крайней мере, по одной остановке не ездил. А руководство приезжает в 9 часов. Значит, я не имею никакой свиты за собой, можно спокойно походить по цехам, увидеть все, поговорить с людьми с глазу на глаз. Ну какой может получиться разговор, если за спиной стоит, допустим, все руководство завода: директор, его заместители, секретари парткома, профкома, ВЛКСМ. Это же трата времени. А вот когда мы встречаемся как бы случайно, без сценария, и начинаем, допустим, обсуждать вопросы транспорта — вот тут уже я в курсе дела. Понимаете, для меня такие разговоры — потребность. Меня очень обижают подобные обвинения, потому что это действительно потребность, она не в Москве родилась. Поезжайте в Свердловск и спросите там: я делал все точно так же, разъезжал в трамвае и в автобусе. Ну и что тут такого? Во-первых, не так уж плохо, когда тебя подают со всех сторон, и ты не умозрительно, а, как говорится, на личном примере, почувствуешь, как это тяжело.

А. К. Мы часто оглядываемся сейчас на годы застоя. В какой-то мере они стали показателем нашей искренности сегодня. Вам приходилось встречаться с Брежневым?

Б. Е. Конечно. Но не часто. Разговаривать с ним, собственно говоря, было не о чем, никаких дискуссий он никогда не заводил, поэтому я добивался у него приема, только чтобы подписать какую-нибудь бумажку, решить вопрос, который мог решить только он, скажем, о строительстве в Свердловске метро. Но уж славословить Леонида Ильича — этого вы не найдете ни в одной стенограмме. Ни на XXVI съезде партии, ни в выступлениях на Пленумах ЦК или сессиях Верховного Совета.

А. К. Какие решения по Свердловску и Свердловской области, принимаемые Политбюро, вам казались неверными? В чем вы победили?

Б. Е. Нас очень настойчиво толкали из Москвы к тому, что область должна перейти на самообеспечение. Мы не уступили. И люди в Свердловске были обеспечены несколько лучше других. Это же грубейшая ошибка—толкать Свердловскую область, где одни леса, всего 5 процентов сельского населения, где 0,3 гектара пашни на человека (вместо одного, как по всей стране) к тому, чтобы она сама себя всем обеспечивала. Просто самоубийство. Разве я мог пойти на это? Кириленко, например, до сих пор не могут простить, что во времена Хрущева он за один год заставил сдать государству сразу три годовых плана по мясу. Резали всю живность подряд — телят, поросят, молодняк. Лишь бы сдать. А потом хоть потоп. И сдали. Заработали орден Ленина. Но до сих пор стыдно, за что заработали. Уже на следующий год резко снизился уровень продовольственного обеспечения. Поголовье скота было восстановлено через десятилетия. И до сих пор — сколько лет прошло — Кириленко это очень помнят. Что-то хорошее, что он сделал, может быть, и позабыли. А это не забывается. Ни за что.

А. К. Борис Николаевич, вы хорошо знаете историю партии. Чему история партии лично вас научила? Какой главный урок вы для себя вынесли?

Б. Е. Страх. Страх, в который мы загнали людей. Вечный приказ не рассуждать и выполнять команды. «Первый» мыслит, значит, всем остальным мыслить не обязательно. Мы до сих пор простую смелость принимаем за подвиг. Сказать что-то против руководства — это же невероятно. Когда я однажды на Пленуме проголосовал против, ко мне в перерыве подходит известный маршал, его знает вся

4.5 350 140 225 1625 350 450 1400